

ЗИНОВИЙ КОГАН

ЗИНОВИЙ КОГАН

ЭЙ, ВЫ, ЕВРЕИ,
МАЦУ КУПИЛИ?

Москва
АСТ

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К 57

Коган, Зиновий Львович

К 57 Эй, вы, евреи, мацу купили? / Зиновий Коган. – Москва: АСТ. – 2015. – 352 с. – (Хроники нерасставанья).

ISBN 978-5-17-088269-4

Зиновий Коган Львович – раввин, вице-президент Конгресса еврейских религиозных общин и организаций России. Родился 6 декабря 1941 года в Барнаульской области Алтайского края в еврейской религиозной семье. Обладатель ордена Святого Благоверного князя Даниила Московского третьей степени, Коган Львович, делится с читателями историей своей жизни. Как и каждый человек, Зиновий Коган старается вспоминать из жизни только хорошие, добрые, наполненные светом и радостью моменты.

Ведь всегда интересно узнать судьбы других людей, людей известных и интересных.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088269-4

© Зиновий Коган, текст
© ООО «Издательство АСТ»

Мацеле-Цурес

Накануне пэсах и визита Никсона в Москву не вовремя скончался хозяин синагоги Левин.

— Позор! — куратор по делам религии Князев делал бровями птичку. — Каплун, твою мать, за три дня сделай себе нового раввина!

Крепыш Каплун с орденской планкой — хромой вояка — почувствовал себя перед атакой в окопе, из которого не хочется вылезать.

— А шо я?

— Ты председатель!

Прозвучало как «Предатель».

В рождественские морозы, с колядками одновременно, начальство синагоги потихоньку приступало к сбору денег у еврейских богачей, конечно, на мацу. На лист мацы собирали, как на самолет. Но евреи на маце не улетали. А деньги и волнения доконали Левина. Такие дела.

Раввином синагоги назначили гардеробщика дворца культуры ЗИЛа бородатого толстяка Фишмана — пошили ему черный лапсердак, напялили кастрюльную ермолку. О, готово!

Самолет с Никсоном еще только летел над океаном, а туристы осмелели — раздавали посылки с кошер в синагоге.

— Дай пару долларов.

— Передай письмо.

— Евреи, контакты с иностранцами запрещены! — набрасывался Каплун на соплеменников. — А ты вот, кто такой?

— Я Мойша, сын Гитл, — сказал американец.

— Что у тебя в свертке?

— Копченое мясо, вино, маца — шмура, сыр, шоколад, растворимые супы.

— Дай сюда этот сверток! — велел Каплун. — А вы что встали?! Идите молитесь! И быстро домой, уничтожать хамец — хлеб, муку и всякое такое. Пучеглазый, я к тебе обращаюсь, а то не доживешь до следующего пэсах, иди — иди, шлемазл. А ты Мойша, сын Гитл, американский шпион, получи в награду от Всевышнего здоровье, парносу и долголетие — в радости и достатке. Все! Все расходятся, митинг окончен или синагогу закроют к чертовой матери!

Солнце наследило одуванчиками в траве. Редкий пэсах без снега в Москве, но ведь бывает! Тощая ребецен Доба в черном платье и парике писала химическим карандашом номер очереди за мацой над номером смерти бывшему узнику гетто.

— Есть надежда?

Воплощение «Казней египетских» усмехнулась:

— Шрайбт нумер! Тойзенд зиксцикс...

Толкали со всех сторон — каждый наводил порядок.

— Чтоб вы сторели! — трепыхался в центре Фишман, рыжий и потный — шаровая молния.

Ну и приход достался от покойного Левина — ветераны, инвалиды, понаехавшие из подмосковья, подаванты, отъезжанты, диссиденты-сионисты... Че-

моданы уже упакованы. Просто нет слов. Чья-то грудь легла ему на лицо.

— Хелпт мир! — Фишман на женской груди, как арбуз на тарелке.

Но кто его услышит? Разве вон тот — излом бровей, орлиный взгляд и ермолка лихо сбита на ухо. Это Каплун.

— Некейва, отпусти раввина! — он-таки оттащил несчастного Фишмана за красную взлохмаченную бороду от сдобных цецек, не в пэсах будет сказано.

Каплун взметнул костыль, как посохом Моисей перед Исходом.

— Ну, за мацой, евреи, становись!

Потняки пихали грудастых евреек и двигались за «командиром».

— Нумер айн, босяки! — и огрел костылем очкастого счастливец, как благословил.

Фишмана донимали интеллигенты.

— Рабби, кто главнее — Моисей или Аарон?

— Где? — Фишман вздохнул полной грудью, свел лохматые брови к носу. — Где ты их, сволочь, видел!? Сойди с моей ноги!

На лестнице курили отъезжанты.

— Ничего не берите. Там все есть.

— На каждом углу — холодильник.

— Бесплатно?

— Они все выбрасывают на улицу и покупают новое. Телевизоры цветные выбрасывают!

— В Израиле?

— Нет, в Монголии.

— Зять отправил мотоцикл, самовар, матрешек.

— Через Одессу? Мишигенер, а если вас не выпустят?

— Что вы расстраииваете человека? Вы пришли за мацой? Гей ин дрейд. Антисемит!

— Сам такой! От таких мы убегаем.

— Вы убегаете от собственной тени.

На лестницу поднялись отказники: маленький Гриша Розенштейн. Мистик с авоськой и жиденкой бородкой а-ля хабад-любавич. Он улыбался, словно у него уже талон в кармане. Он счастлив, что сбежал от жены. Его окликнул Ваня Гой.

Галахический Ваня Гой раздавал агитку «Домой!» размером с ладонь.

— Сам сделал? — у Гриши от холодного пива голос сел; он и сам того и гляди сядет за самиздат.

— Голубь в клюве принес, — у Гоя мамина улыбка.

Тем временем, уличная толпа окружила море Эсса-са. Из рюкзака его торчала маца, как крылья ангела.

— Финики на пэсах едят?

— Нет.

— Мы харосет сделали из фиников.

— Шоколад тоже нельзя.

— А водку?

— Раз нельзя хлеб, значит и водку.

— Азохен вей, бояре, а шо же можно?

На Горку поднялись трое нездешнего вида: бру-клинские хасиды.

— Делаешь алия?

— Ай эм Миша, энд зис из май вайф Софа, энд ... ээ, я инвалид Отечественной войны, закончил раб-фак, а вот жена моя — врач, она дороже меня.

В ней всего было больше, чем в нем: и костей, и мяса, и жизни. Она улыбнулась и стала похожа на триумфальную арку.

— А ты сколько рублей?

— Я закончил университет, — Эссас потер правый глаз, правый — это к пьянке. — Пятнадцать тысяч плюс десять тысяч за жену — институтку.

— Мама моя царские курсы заканчивала, — раздалось их толпы. — За что большевикам платить?

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О возмещении гражданами СССР, выезжающими на постоянное место жительства за границу, государственных затрат на обучение» мало кто принимал всерьез, потому что мало у кого были деньги. Но иностранцы, видать, только об этом и хотели говорить.

И вдруг новость: касса в синагоге сломалась.

Фишман отпихивал прихожан от гардероба, переоборудованного в кассу. Люди вываливались из синагоги, как из парилки, — красные, взъерошенные. А и то: получить мацу и не быть измочаленным, даже как-то дико.

— Не толкайтесь!

— Буду!

И тут Фишман опять влип в цицьки, как окунь на сковороде.

— Ставь вторую кассу!

— Хелпт мир!

— Рабби, я вас не съем, я давно хотела спросить: почему нельзя есть свинину?

— Неужели?! — вспотевшая голова выскользнула из смертельных объятий.

— Нашла о чем спрашивать! Ну, не дура проклятая!? У меня голова трещит! Что вы все ко мне лезете?!

— Живи, ребе, до ста двадцати.

— Чтоб ты сдохла!

Между тем, раввины Сутендорфы из Голландии, Хьюго Грин из Лондона тоже приценивали братьев своих. Если учесть, что за один доллар Кремль давал девяносто копеек, было отчего рвать на себе пейсы. Но все смеялись: смеялись те, кто спрашивал, смеялись те, кому впору плакать.

— Парень, ты почему? — спросил Хьюго Грин художника с пустым рюкзаком за плечами.

— Я сирота. Я после дембеля. Семен Андурский-Бреславский.

Надо же, двойная фамилия, а дешевле всех. Сема — сирота алии. То есть его родители, слава Богу, живы. Пока служил в танковых войсках, они улетели в Израиль. А Семе отказ — невзначай раскроет тайну: наши танки — азохен-вей.

— Сколько таких парней?

— Они здесь стоят за мацой.

— На одной маце за неделю ноги протянешь.

— А где взять кошер? — спросил Сема.

— Хочешь совет? — сказал сутулый дедушка. — Кури кур.

— Ну!

— Не «ну», а живых кур. И неси Мотлу.

— Мотл болен, — подсказали из толпы.

— Тогда к Шмуэлю в Малаховку.

— Малаховку?

— Можно в Одессу, но это еще дальше.

Станция Малаховка — ярмарка после пожара. Скучал таксист, мочилась лошадь на асфальт.

— В синагогу.

— Это где пекут какую-то хреновину? — уточнил таксист.

В ветхой избе сидел шойхет Шмуэль, седая борода в полгруды. Достал Шмуэль трехгранный нож, птахи Семы пикнуть не успели, как получили по розе на грудь. Смерть, оказывается, тоже дарит цветы...

— Сколько с меня за розы?

Шмуэль ополоснул водой руки, они прыгали по полотенцу, точно окровавленные зайцы по снегу.

— Вот недавно ездил я в Медведково на брис, — начал Шмуэль, — ну, зайт гезунд, как говорится. А квартира у него: стенка «Ольховка», ковер там, ковер здесь. Ну, короче, на прощанье мне и двум старичкам дал тридцатку.

Шмуэль насупил брови, представляя эту сцену.

— Да. Так я ему и говорю: «Вот вам десятка моя, сбегай за водкой, чтобы Лехаим сделали за твоего мальчика».

В кармане у Семы трешка.

— Много брать тоже нехорошо, — усмехнулся Шмуэль и отсчитал рубль мелочью.

Юг накачал Москву теплом. Песах, рабойсим, Песах! На закрытых дверях бейт-кнессета объявление: «Мацы нет. Осталось 100 кг для столовой на седер. МЕРО».

Закатилось солнце, и пришел на Горку народ. Студенты бросили в центр круга портфели, обнявшись за плечи, пели-танцевали:

«Строим мы синагогу,
Строим мы синагогу,
Чтоб иди могли молиться Богу!
Ля-ля-ля-ля-ля!...»

А в другом кругу поют «Дайену», а там кричат Высоцкого. И почти все танцуют. Это пасхальный кадеш. Не всегда же делать урхац слезами.

— Идемте к Семе! — разнес ветер над Горкой.

Пляшут очки на носу Семы, взмах руки, счастливый вскрик.

Гурьбой пошли к Семену, потому что маца без седера, что скрипка без смычка, а седер без веселой компании тоже не седер. Ни одного не выкинешь.

— Даже если еврей последний гад?

— Даже если последний.

Гриша Розенштейн с васильковыми глазами, редкозубый взлохмаченный Илья Рубин, Боря Чернобыльский, Иосиф Бегун. Срывала голос крошечная Нудель — не дотянуться до Слепака. Он знаменит стал, когда сказал Моссовету: «Шелах —эт-ами!» Куда и зачем? Запоздалые вопросы. Евреи в дороге.

Семен жил у станции метро «Пролетарская» в коммуналке: ситцевая ширма, железная кровать, а под кроватью пейсеховка. Там и тут айсберги самиздата: «Архипелаг ГУЛАГ», стихи Бродского, «Евреи в СССР», Маймонид... Стены увешаны портретами Сахарова, Солженицына, но в центре портрет деда.

Зарубежных раввинов предупреждали: в СССР никогда, нигде, никуда, ни о чем. Но они пришли таки на седер. Смелые ребята. На табуретки положили доски и раввинов усадили за стол.

— Мы принесли вам пасхальную новость: американцы вас будут выкупать! Не за горами ваша алия, — раввин Авраам Сутендорф торжественно поднял стакан пейсеховки.

— Шелах эт ами! — погрозил пальцем в потолок Слепак.

— Вот придет Машиах, — Розенштейн положил свою маленькую ручку на одинокое плечо Бегуна.

Народ все прибывал и прибывал.

— Посадите ребе из Нью-Йорка!

Какое посадить — тут уже негде стоять.

Тесно и душно. И Сема вдруг вспомнил, что под столом вентилятор. Он наклонился и включил его. Из под стола поднялся столб белой манки (спрятанный хамец), все стало как в снегу.

— А шо це? Манка?

— Хамец!

— Кто это сделал?

— Галя, сука, проститутка! — и Сема вздрогнул, с широко открытыми глазами. — Ша-Ша! Я сейчас включу пылесос!

На кухне Галя жарила котлеты.

Пылесос у Семы — то что надо. Проглотил ермолки реформистов, а у хасида — парик с бородой и шляпу, и ермолку — яйцеголовый американец.

И в этом шуме и гвалте вошел участковый милиционер.

— А что здесь происходит? Приготовьте документы. Кто хозяин?

Короче, седер начался. Первый вопрос: «Ма ништана галайла газе?»

И побелели все, как одно лицо.

— Я хозяин, — сказал Сема. — У нас такая пасха. Через неделю у вас тоже будет.

Сема взял со стола у яйцеголового бутылку виски и увел участкового — это был ответ на первый вопрос «Агады».

Самогонный запах пейсеховки и хрена вдохновляли раввинов, но они не понимали по-русски, а за столом шлемазл Сема держал «Мегилат Эстер» да еще «вверх ногами». Парень в кепке раскачивался в углу, но вместо Агады держал «Биркат ha-мазон», Иосиф Бегун со Щаранским сидели рядом — им не привыкать, Липавский стоял за их спинами.

Кремень размахивал бутылкой водки, как гранатой.

— Даешь «Бидваро»!

— Мишка, убери водку, — взмолился богобоязненный Розенштейн.

— Она из пеньков.

— А если это ловушка КГБ? — прошептал Хью Грин.

— У КГБ все по Галахе, а это русские реформисты, — успокоил Авраам Сутендорф.

— Я буду жить в кибуце на берегу Средиземного моря, — пообщал Борис Чернобыльский.

— Мы жили в таком кибуце, — сказал Давид Сутендорф. — Папаша наш завелся так, что все в Амстердаме продал, и мы переехали в Израиль. Но потом, в Израиле, уже завелись мы, и вернулись обратно в Амстердам.

— А я буду колесить по дорогам Израиля, я куплю «Мерседес», — китаевед Виталий Рубин держал стакан с пейсеховкой.

Илья Рубин хотел только лист бумаги и тишину в Израиле. Он был львиноголовый, этот главный редактор самиздата «Евреи в СССР».

— Вот я полечу к ребе в Нью-Йорк, — Розенштейн поднял кусок мацы, — и получу из его рук доллар!

Три вопроса по традиции задают на седер. Но первый: «Что вы здесь делаете?» — задал участковый.

— У нас репетиция, — ответил Липавский.

Второй пасхальный вопрос: «Когда поедем?» — поднял Щаранский.

— Когда повезут, — опустил Бегун.

Этот пасхальный седер вел сын малаховского габая — Веня Богомольный. Стоило ему сфотографироваться на фоне своей избы, и вся Америка, от Нью-Йорка до Сан-Франциско, послала гелт на ремонт.

— Разливай, Веня.

— А кто прочтет благословение?

— Ребе Хьюго! — синие глаза Слепака смеялись.

Вскоре после этого пасхального седера Липавский в газете «Известия» обвинит Щаранского в измене СССР. Толю Щаранского приговорят к расстрелу, заменят на пятнадцать лет лагерей. Иосифа Бегуна сошлют на десять лет на Колыму в Магаданский край. Володю Слепака отправят на пять лет в Сибирь. Гриша Розенштейн получит-таки доллар из рук ребе и в том же году умрет от инфаркта. Погибнет в автокатастрофе по дороге в Эйлат Виталий Рубин. Скоропостижно скончается Илья Рубин — на солнце Иерусалима, не дописав строку. Борис Чернобыльский недолго проживет в кибуце у моря, однажды волна унесет его и утопит.

И еще... На этом седере был мальчик под столом, рядом с банками манки и, будь он неладен, вентилятором — искал «афикоман». Он станет «новым русским» и построит синагогу.